

АНДРЕЙ БАЛЛАЕВ

Философия истории Маркса: реконструкции и надежды

Предметом обсуждения в моей статье станет главным образом вопрос об условиях возможности адекватной реконструкции философии истории Маркса. Ведь при всем разнообразии оценок должно быть какое-то минимальное согласие относительно самого объекта, об одном и том же мы судим или нет. Мне кажется, что именно в отношении понимания Марксу как автору не слишком везло в прошлом и настоящем.

1. Почему «философия истории»?

Сначала о второстепенном. Корректно ли называть Марксово понимание истории «философией истории»? Идет ли речь все-таки о философии или о чем-то еще?

Вопрос принадлежности материалистического понимания истории к какому-то определенному типу социального знания далеко не так прост. Действительно, Маркс в «Немецкой идеологии» активно выступал против философии истории в ее гегельянских вариантах, а собственную позицию определял как позицию науки истории, т. е. теоретического рассмотрения исторической реальности (как прошлого, так и современности) как таковой, без обращения к внеисторическим объяснительным принципам. Впоследствии свой подход Маркс и Энгельс назвали материалистическим пониманием истории, причем Маркс неоднократно протестовал против его оценки как философского (универсального, метафизического), а Энгельс отрицал приписываемый материалистическому пониманию истории доктринальный характер, определяя его как «метод». Возражения против идентификации разработанного ими понимания истории с философским не были единичными — они проходят через всю творческую жизнь Маркса и Энгельса, вплоть до так называемых писем об историческом материализме, в которых соавтор основоположника объяснял неопитам азы марксизма.

Но, с другой стороны, после написания «Немецкой идеологии» Маркс не называл себя историком, да и тема противопоставления истории и философии не получила продолжения в его творчестве. Вполне резон-

но предположить, что история как наука с ее высокими оценками появилась в тексте первой главы «Немецкой идеологии» по достаточно второстепенным причинам. Нужно было как-то обозначить отличие собственной, впервые формулируемой концепции («понимания истории») от специфически и сугубо философского гегелевского и гегельянского подходов. Порок такого философствования, как тогда понимали это Маркс и Энгельс, состоял в том, что с помощью общих категорий, обозначающих исторические этапы, создавалась некая общая конструкция мировой истории, несущая в себе явные следы идеологических предпочтений авторов и их неизбежного (перед бесконечностью содержания каждой обозначенной общей категорией эпохи) невежества. Результатом становится интерпретация истории, резко отличающаяся от конкретного исторического содержания, далекая от его понимания. В «Немецкой идеологии» примером и материалом для критического анализа послужила концепция мировой истории, предложенная Максом Штирнером в триаде негритянство — монгольство — кавказство, где автор, подражая Гегелю, по мнению Маркса, «не удосужился даже как следует просмотреть гегелевскую „Философию истории“»¹.

В целом философия истории, как и всякая философия, по Марксу, удовлетворяется созданием различных интерпретаций реальности и соответствующими им изменениями в сознании интерпретатора, его возможных читателей и слушателей. Интерпретации могут быть разного качества, вплоть до абсурдных и вполне бессмысленных. Чем дальше они от социальной реальности, тем ничтожнее их влияние на эту реальность, тем более они идеологичны. «Изменение сознания изолированно от отношений — чем философы занимаются как профессией, *ремеслом* — само есть продукт существующих условий и неотделимо от них. Это идеальное возвышение над миром есть идеологическое выражение бессилия философов по отношению к миру. Их идеологическое бахвальство ежедневно разоблачается практикой»². Иными словами, философия гегелевско-гегельянского типа далека от реальности как в научно-теоретическом, так и в практическом отношении. Научность истории, призванной заменить философию, как пишут Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», следует прежде всего понимать как антиидеологичность, залогом чего являются объективность исторического знания и его критичность.

Впоследствии, когда Маркс начал усиленно работать в области экономической теории, он обнаружил и в этой области знания все те пороки, которые обличал в «Немецкой идеологии». Да и по отношению к истории, представленной трудами различных авторов, включая Т. Моммзена, Л. Ранке или цитируемого в «Капитале» Б. Нибура, у Маркса не было никаких иллюзий. При всем огромном интересе Маркса к истории, особенно в поздний период творчества, он вовсе не считал себя историком,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 157.

² Там же. С. 376–377.

и резкие антифилософские инвективы «Немецкой идеологии», как и хвалы «науке истории» там же, можно считать просто несущественными для творчества Маркса в целом, тем более что созданная Марксом концепция понимания истории содержит в себе неустранимые следы философского подхода как содержательно, так и по форме. В ее основание положена типичная для немецкой классики идея тождества бытия и мышления, которую Маркс вслед за Фейербахом переворачивает, рассматривая мышление (дух, идею, сознание) как производное и зависимое от своей противоположности. Это позволяет более реалистично вписать человека («ходячее» единство бытия и мышления, по Фейербаху) в историю человечества, причем Маркс здесь применяет вполне новаторское понимание практики, праксиса. Человек как существо практическое, созидающее и самосозидающееся в объективных исторических условиях есть конкретный индивид — это понятие Маркс использует в противовес абстрактным категориям «Человека» у Л. Фейербаха и «Единственного» у М. Штирнера. Также «наука истории» имеет и существенные философско-антропологические предпосылки, которые наиболее полно изложены в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», статьях и набросках того же периода. Особо важен здесь комплекс идей, связанных с понятием отчуждения. Все это вещи широко известные, но, к сожалению, приходится учитывать, что философские обоснования плюс (по сути гегелевский) понятийный аппарат, да и всю стилистику философствования молодого Маркса долгое время старательно изгоняли из популярных изложений его взглядов. Причем повод для этого давали резкие антифилософские высказывания самого «основоположника». Отсюда и иллюзия, что материалистическое понимание истории есть не вариант философии истории, а нечто иное.

Таким образом, по целому ряду параметров Марксово понимание «науки истории» имеет непосредственное отношение к философии истории, несмотря на то, что сами Маркс и Энгельс с этим были категорически не согласны. Беда в том, что над ними висел дамоклов меч необходимости быть понятным и доступным для аудитории особого рода — рабочего класса. Однако «угнетенной массе» философия, как она была представлена в XIX в., была не просто непонятна, она была ей чужда. Бертран Рассел с англосаксонской прямолинейностью где-то отметил, что вся философия Нового времени была философией «для средних классов», а Маркс создал философию «для бедных». Это замечание не лишено справедливости. Подражая К. М. Кантору, можно сказать, что присяга юного Маркса интересам «угнетенной массы» вела его по пути Нагорной проповеди, и потому новая философия была обязана как-то преодолеть традиционное дистанцирование от свирепой и неразумной реальности.

Однако весь исходный мыслительный материал того, что написано об истории в первой главе «Немецкой идеологии», всю ее стилистику никак не оторвать от философской, а точнее, гегелевской традиции. Поэтому стремление Маркса отрицать родство своей концепции истории с заветами немецкой философской классики вряд ли стоит считать прин-

ципиальным. Да и так ли это важно? Намного более значим вопрос о том, имеет ли историзм марксовского типа право на существование вообще? Допустимо ли философам строить исторические обобщения? Полемика с Марксом по этому поводу начинается с логического позитивизма. В конце XX в. эти вопросы вошли в контекст обсуждения условий возможности «больших нарративов». Зачастую эти дискуссии выглядят немного смешными, поскольку основные категории предложенных Марксом историко-социальных обобщений давно превратились в то, что называется «формами мысли», т. е. без их употребления уже не могут обходиться сами «отрицатели». Наиболее известной попыткой полного критического опровержения историзма и Марксова подхода к истории стала книга К. Поппера «Нищета историцизма», а также его последующие сочинения. После значительных преобразований в нашем отечестве попперовская критика все еще используется для опровержения той версии марксизма, которая являлась частью официальной идеологии «старого режима». Поэтому нападки на Марксов историзм, на «истмат, за который стыдно», продолжают.

2. Трудности реконструкции философии истории Маркса

В тени указанной проблемы остается другой важный вопрос: как возможны более-менее аутентичные реконструкции философско-исторических взглядов Маркса? Стоит ли вообще заикаться об аутентичности реконструкций, хотя бы историко-философских, если тексты Макса до сих остаются материалом для пропаганды, популяризации или негативной критики в духе Поппера? Мне кажется, что время постепенно снимет все наросты злободневности вокруг наследия классика, а пытаться понять его более глубоко есть прямая обязанность, и не только для его последователей.

Тексты Маркса, в которых в общем виде формулируются его философско-исторические взгляды, широко известны. Их не так уж и много, если отсечь Энгельса. Первой попыткой изложить еще только создаваемую концепцию следует считать первую главу «Немецкой идеологии». (Есть еще знаменитые «Тезисы о Фейербахе» — весьма переоцененный текст.) В теоретическом отношении важны некоторые фрагменты из третьей главы этой работы (анализ концепции М. Штирнера, тексты о Гегеле, формулировки по проблеме свободы, индивидуального развития, идеологии, коммунизма, ряд теоретических разъяснений и др.). Затем следуют «Нищета философии» и письмо П. В. Анненкову о Прудоне, работа «Наемный труд и капитал», в которых Маркс уже значительно больше заботится о доступном и понятном изложении своего толкования истории. Очень важен и «Манифест Коммунистической партии» (1848). Все 50-е гг. XIX в. Маркс работал преимущественно над проблемами политической экономии, что завершилось к середине 60-х гг. изданием первого тома «Капитала». На определенном этапе этой работы (в «Экономических рукописях 1857–1859 годов», первом варианте «Капитала») он

неоднократно возвращается к философско-исторической тематике, причем вносит в свои размышления много нового по сравнению с 40-ми гг., например, анализ докапиталистических форм производства. Также для философии истории Маркса непременно надо бы привлекать материалы второго черного варианта «Капитала», в особенности историко-теоретическую часть, известную под названием «Теории прибавочной стоимости». Ну, и для порядка упомянем о трех томах «Капитала», в которых также масса важного для раскрытия нашей темы материала, о работах по политической жизни Франции в XIX в., статьях об Индии.

Сделана ли работа по реконструкции Марксовой концепции истории, исходя хотя бы из указанных материалов? Лично я, поскольку самому приходилось этим заниматься, сомневаюсь. Чем неоднозначнее, многостороннее мысли автора, тем вероятнее, что комментаторы, оставив сложности реконструкции, сколь возможно упрощают содержание текстов и принимаются интерпретировать, оценивать еще недостаточно ими понятое. Относительность процедур реконструкции и всяческих истолкований общепризнана, а добросовестность немецких историков философии, вроде Куно Фишера, уже мало кому нужна. Поэтому и приходится прощать всем, начиная с себя, то, что я называю виной перед Марксом. Хвалы и хулы ему досталось немерено, а за недостаточность понимания он мог бы с того света погрозить пальцем любому, о нем писавшему. В том числе своим ученикам и последователям...

Нужно признать, что многочисленные популярные изложения материалистического понимания истории, особенно написанные Энгельсом, а вслед за ним первыми поколениями марксистов (К. Каутский, Г. В. Плеханов, А. Лабриола, П. Лафарг, затем Н. Бухарин и др.), во многом корректно излагают основы понимания истории Маркса, минус «эзотерический», недоступный читателям философский уровень его мысли. В этом отношении даже ленинская работа «Государство и революция» в историко-теоретических фрагментах демонстрирует вполне приемлемый вариант анализа. Не столько тексты Маркса, сколько эти изложения стали источниками учебно-популярной литературы, по которой осваивали истмат студенты учебных заведений нашей страны, да и многих других. В основном как-то доходили до сознания тезисы об общественно-экономических формациях, о примате экономики над политикой (базис и надстройка — удобное наглядное представление), о классовой борьбе с революциями в истории. Это было упрощением и «пропедевтикой», хотя источниками служили подлинные мысли Маркса. Многочисленные рукописи Маркса оставались неизвестными до 30-х гг. XX в., а русскому читателю в переводах сделались доступными лишь к 60-м гг. Однако, поскольку в них практически нет популяризаторства и упрощенного подхода, они и поныне остаются лишь материалом для исследований специалистов. Содержательно размышления Маркса в этих текстах выходят за пределы ныне полузабытых изложений истмата, и именно этим они крайне важны для философии истории Маркса, для ее понимания.

3. Свобода в истории

Для Гегеля сознание свободы служило критерием различия основных исторических этапов прогрессивного развития человечества, что позволило ему сконструировать свою знаменитую философско-историческую триаду. Нечто подобное имеется и у Маркса. Однако Гегель оставил, пусть и в виде студенческих конспектов, целый том лекций по философии истории; Марксова же триада уместилась на одной страничке. Отчего так скупо? Ясно, что это мысли «для себя», ориентиры в пространстве истории человечества.

Все существование человечества делится у Маркса на три фазы: 1) отношения личной зависимости; 2) личная независимость, основанная на *вещной* зависимости; 3) свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов³.

Отметим, что данная триада почти не имеет отношения к популярно-марксистской теории формаций, в создании которой есть и доля участия Маркса, хотя для него «формация» — лишь синоним классической философской категории «форма»⁴. Во всяком случае, тут нет никаких «измов» (феодализм, капитализм и т. п.).

Критерий различения стадий — этапов — шагов истории в триаде мировой истории значительно отличается от гегелевского, что бы там ни писали комментаторы. Как справедливо отмечал В. М. Межуев, у Маркса это — степень индивидуальной свободы, свободы развития и самореализации, практической свободы. А практическая свобода и сознание свободы — все же не одно и то же, несмотря на родство.

Там же, параллельно, Маркс пишет о росте производительности труда людей, универсализации их отношений, всесторонности потребностей и т. д. На заднем плане, в потенции остаются (и даже включены в эту триаду) иные варианты построения конструкций мировой истории, более близкие к традиционной для марксизма трактовке развития производительных сил как мотора исторического развития, способа производства как оформителя этого процесса и т. д. Но в любом случае критерием, позволяющим различать основные стадии этого процесса, остается индивидуальная практическая свобода.

Итак, в этом достаточно интимном, для себя написанном тексте основным ориентиром в развитии человеческого рода Маркс избира-

³ Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 100–101.

⁴ В некоторых текстах Маркса «форма» и «формация» употребляются через запятую. А категория «форма» обязывает ко многому, причем у Маркса она из числа любимых, ее применение крайне многообразно и достойно специального исследования — достаточно напомнить о категории превращенной формы, нигде и ни у кого ранее не встречавшейся. Насчет количества формаций следовало бы высказываться поосторожнее. И даже если бы теории формаций вовсе не было, все же у Маркса есть концепты, которые можно назвать теорией «экономического развития», причем вполне прогрессивного, — например, теория накопления капитала.

ет индивидуальную свободу. Данный подход имеет особый характер. Ведь Маркс как никто знает, что для привилегированного меньшинства и «униженных и оскорбленных» вопрос о свободе индивида означает нечто весьма различное. В формулировках Маркса это различие как бы уходит вглубь, в более конкретные характеристики этапов развития, что не мешает общему видению истории, однако сразу же проявляется при обращении к каждой особой форме общества. Симпатии Маркса явно принадлежат индивидуальной свободе большинства, а не той части общества, у которой она так или иначе присутствовала и на первой, и на второй стадии истории.

Маркс называет части своей триады «формами общества» и «степенями», где вторая ступень создает условия для третьей, т. е. речь идет о развитии форм общества, основным критерием различия которых является свобода индивидуального развития. Конечно, это некий крайне обобщенный «мегазгляд» на историю. Но нужно напомнить, что и понимание индивидуальной свободы у Маркса впервые устанавливается в «Немецкой идеологии», в ходе вполне философской (на уровне всеобщности) полемики с М. Штирнером. В первом разделе третьей главы, в части, названной «Новым заветом», в параграфе четвертом «Особенность» свобода понимается как власть, господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид⁵. Это соображение содержится в вычеркнутом авторами из рукописи абзаце, но именно так Маркс и понимает индивидуальную свободу, что легко подтверждается другими текстами: например, рассматривая моменты «действительного освобождения», Маркс пишет: «Второй момент заключается в том, что способность, существующая в освобождающих себя индивидах до сих пор лишь в качестве задатка, начинает функционировать как действительная сила или же что уже существующая сила возрастает благодаря устранению ограничения»⁶. Таким образом, свобода индивида, по Марксу, есть позитивное определение, а не просто «свобода от». Устранение ограничений индивидуального самосовершенствования Маркс называет лишь «следствием создания новой силы»⁷. Сила в данном случае имеет смысл, близкий к смыслу слов «способность», «потенциал», «удовлетворение потребностей», «расширение власти индивидов», «господство над обстоятельствами», — все эти определения конкретизируют и поясняют представление Маркса о свободе индивидов⁸.

Ограничиваясь сказанным о Марксовом понимании значения индивидуальной свободы в истории, попробуем провести анализ связи возможностей свободы индивидов в истории с фактором свободного времени. Эта связь несомненна, но, конечно, есть и определенные сложности. В движении по трем ступеням исторического развития человечества

⁵ Там же. Т. 3. С. 292.

⁶ Там же. С. 297.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Т. 3. С. 292–307.

фактор роста свободного времени не обозначен — по крайней мере, в том маленьком тексте Маркса. Если привлечь близкие по теме размышления Маркса, то становится ясно, что увеличение свободного времени есть важный момент в понимании перехода к третьей ступени истории человечества, т. е. к ожидаемому будущему. Свободное время противостоит рабочему времени, т. е. времени отчужденного, принудительного труда, которое должно уйти в прошлое. Доля труда, необходимого в общественных и общих интересах, должна уменьшиться и приобрести иной, далекий от отчуждения характер. Свободное же время превращается во время самореализации индивидов, которая трактуется Марксом в просвещенческих традициях эстетического развития, научного творчества и тому подобных областей деятельности, ранее доступных преимущественно привилегированным слоям общества.

Как проявляется это отношение или связь (свобода индивида — свободное время) в первых двух частях-членах Марксовой триады мировой истории, если рассматривать вопрос исторически? Или, иначе, растет ли свободное время индивидов в переходе от отношений личной зависимости к отношениям личной независимости, основанным на вещной зависимости? Как эта связь-отношение представлена в контексте той исторической динамики, которая являлась для Маркса современностью?

4. История свободного времени

История первой фазы в Марксовой триаде отсылает нас к текстам об общине, где можно ограничиться значительным фрагментом «Grundrisse» «Формы, предшествующие капиталистическому производству», известным письмом к Вере Засулич и работой Ф. Энгельса о происхождении семьи, частной собственности и государства, в содержании которой многое было взято из разработок тогда уже умершего Маркса. Как известно, историческое время крайне растяжимо, поэтому в первую фазу Марксовой триады попадает община на всем протяжении своего существования — от времени собирательства, пастушества, зарождения земледелия до тех ее форм, которые застал сам Маркс. (В одном из писем к Энгельсу он вспоминает, что о сельской общине, фактически существовавшей рядом с его родиной Триром, ему рассказывал отец, Генрих Маркс.) На большей части планеты, где преобладает земледелие, община сохранилась и в XX в., хотя и в каких-то модернизированных вариантах. Для России XIX — начала XX в. сельская община представляла собой социальный факт, и ее историческая судьба была проблемой, теоретически решить которую просила Маркса Вера Засулич (напомним, речь шла о перспективах социализма в отсталой земледельческой стране).

По Марксу, говорить о свободе индивида на этой стадии исторического развития рано, поскольку член общины, отдельный индивид неотъемлемо связан с землей и коллективом общины, без них его существование немислимо: здесь «отдельный индивидуум еще столь же крепко при-

вязан пуповиной к роду или общине, как отдельная пчела к пчелиному улью»⁹. Время существования и развития общины, как мы видели у Маркса, очень долгое. Ведь сельская община всегда локальна, ограничена как по ее участникам (население), так и по территории. Конечно, эта ограниченность не исключает расширения (за счет завоеваний и т.д.). Однако в целом община самодостаточна, и, как отмечает Маркс, даже отсутствие дорог или ущербность транспортных средств, препятствуя развитию общения и связей между общинами, являются значимыми факторами ее долговременного существования. Постепенно, в связи с развитием сельского хозяйства, расширением обмена, войнами, становлением разных типов государств, появляются и растут города, а в них — ремесло, зачатки науки, торговля и пр. Власть и сила на этой стадии истории концентрируется на той стороне общественного устройства, которая связана с изымаемой из результатов производства общин долей производимого продукта. Это осуществляется в виде дани, налогов, впоследствии барщины, оброка и т.д. На этом же полюсе социального организма концентрируется свободное время. Наиболее наглядно это время реализуется и манифестируется в странах с рабовладельческим устройством, например, в «божественном досуге» свободных граждан греческих полисов, высоко ценимом Марксом¹⁰. Свободный грек классических эпох считал себя выше всякой трудовой повинности, хотя и выполнял общественные обязанности, среди которых важнейшей была воинская служба, защита своего полиса. Европоцентристские предрассудки многих поколений читателей Платона и Плутарха стали причиной массы иллюзорных представлений о культуре греческих полисов, но именно отношение к труду совершенно точно выразил Аристотель, у которого труд есть занятие преимущественно рабское, недостойное свободных граждан. Чем менее утилитарно занятие, тем более оно соответствует статусу свободного гражданина. Возможно, что и более выразительные примеры реализации свободного времени для эпох, когда основой социума выступала земледельческая община, можно найти в истории Китая, Японии или Индии, хотя Маркс ограничивался преимущественно своей любимой Грецией.

Еще раз отметим, что общее время первой стадии исторического пути человечества, когда индивид находится в состоянии личной зависимости, у Маркса определено достаточно широко. Начало теряется в родовой и племенной организации людей, завершение маркируется возникновением личной независимости индивидов, сопровождающейся вещной зависимостью. Это означает, что в границы первой стадии Маркс помещает и рабовладение, и крепостную зависимость феодального строя, и кастовое устройство общества типа индийского (то есть это почти вся история человечества, за исключением последних веков). На этой стадии, конечно, имеет место развитие как общества в целом, так и индивидов,

⁹ Там же. Т. 23. С. 346.

¹⁰ См.: Кантор К. М. Двойная спираль истории. М., 2002. С. 520–529.

но это — развитие, ограниченное личной зависимостью индивида от той или иной формы коллективности. Вот как это кратко формулирует сам Маркс: «Здесь, в пределах определенного круга, может иметь место значительное развитие. Возможно появление крупных личностей. Но здесь немислимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением между индивидом и обществом»¹¹.

Однако свободное время как время саморазвития индивида, время его свободы отнюдь не торжествует с переходом человечества к стадии, когда личная независимость основывается на вещной зависимости. Собственно, эта стадия нам понятнее, поскольку мы все в ней находимся. Мы не рабы, не крепостные крестьяне, не принадлежим к низшим кастам или их паллиативам в современном обществе. Другие люди не в состоянии заставить нас работать на них посредством прямого личного принуждения, как не могут отнять и наше свободное от труда время. Но тем не менее для огромных масс лично независимых людей в мире потеря работы переживается как весьма драматическая ситуация. Экономическое принуждение к труду Маркс во многих текстах именуется экономическим рабством, рабством наемного труда — без всякого переносного смысла. Он как нечто закономерное отмечает у экономистов XVII — XIX вв. параллель между рабочей силой и тягловым животным («бык» Адама Смита) или, уже с возникновением фабрик, приравнивание работников к машинам. И если оставить в стороне рост праздных классов с развитием производительности, то чем с точки зрения индивидуальной свободы и свободного времени вещная зависимость и экономическое рабство отличаются от личной зависимости? Вернее, как смотрит на это Маркс?

Вещное отношение зависимости, даже не принимая во внимание рост общественного богатства (или, иначе говоря, развитие производительности человечества), представляет собой в сущности «не что иное, как общественные отношения, самостоятельно противостоящие по видимости независимым индивидам»¹². Или иначе: «Всеобщий обмен деятельностью и продуктами, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь представляется им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь»¹³. Общей формой всеобщего обмена или общественной связи индивидов, их общей вещной формой Маркс называет деньги¹⁴. (Как справедливо отмечают многие специалисты, овеществление служит у Маркса конкретизацией более общей по смыслу категории отчуждения.) На индивидуальном уровне эта связь, или отношение, предполагает погоню за денежным богатством, фетишизм (отчего-то чаще всего называемый «товарным»,

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 475.

¹² Там же. С. 106–107.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 101.

хотя он денежный). Маркс говорит о всеобщей продажности, проституции и т. п. Однако индивиды включены в это отношение различными способами. Наемный работник, получающий денежную оплату, как участник обмена, купли и продажи вполне равен предпринимателю. Пусть это равенство есть только видимость и «фактически существует как иллюзия рабочего»¹⁵. Но это равенство означает, что сам работник как индивидуум не есть непосредственно чья-то собственность. Он не продается сам, а продает за оплату только свою способность к труду. Наемный труд предполагает свободу индивида, свободу продажи своей рабочей силы, свободный труд. Трудовая способность не может быть продана бессрочно, ибо это уже рабство. Тем более наемный работник остается собственником своего не-трудового, или свободного, времени.

Последнее обстоятельство Маркс считает исторически важным: «Отсутствие стоимости у рабочего, лишение его стоимости есть предпосылка капитала и условие свободного труда вообще. Ленге считает это регрессом; он забывает, что благодаря этому рабочий формально дан как личность, которая кое-что значит сама по себе *помимо своего* труда и которая отчуждает проявление своей жизнедеятельности только как средство для своей собственной жизни»¹⁶. А это означает, что работник наемного труда в отличие от раба или крепостного заинтересован в самосохранении, он старается бережно относиться к самому себе как к владельцу рабочей силы — единственного товара, который он может продать¹⁷. Это обстоятельство далее понуждает наемного работника всячески стремиться к уменьшению времени своего труда и увеличению свободного времени. Грубо говоря, это и есть для него борьба за индивидуальную свободу.

С появлением наемного труда почти сразу же возникает борьба наемных работников за сокращение рабочего дня. Маркс пишет, что «установление нормального рабочего дня является продуктом продолжительной, более или менее скрытой гражданской войны между классом капиталистов и рабочим классом»¹⁸.

В этой связи хотелось бы отметить, что сокращение рабочего дня как основное условие продвижения человечества к «истинному царству свободы» было подробно обосновано Марксом в третьем томе «Капитала». Так великая философская тема свободы в истории получает вполне конкретное и заземленное звучание, в которое оказались впоследствии вплетены голоса социологии и экономической теории, политологии и юриспруденции, праксиса борьбы профсоюзов и политических партий.

Пока же императив сокращения рабочего дня далек от своей реализации, борьба далека от победы. Восьмичасовой рабочий день, объявленный целью рабочего движения еще в 1866 г., есть цель промежуточная

¹⁵ Там же. С. 236.

¹⁶ Там же. С. 242.

¹⁷ Там же. Т. 48. С. 5–12.

¹⁸ Там же. Т. 23. С. 308.

и компромиссная, потому ее и удалось в значительной степени достичь на протяжении XX в. Короткий исторический срок данного достижения пока не дает импульса для дальнейшего продвижения на этом пути, но все-таки уменьшение времени принудительного труда, как бы тому ни противились сильные мира сего, постепенно реализуется. Третья стадия мировой истории, по Марксу, должна вырастать из второй, в которой мы все еще находимся.

5. Сегменты индивидуальной свободы. Тенденции современности

Мы подошли теперь к тому этапу истории, который у Маркса фиксируется критерием «универсального развития индивидов». Для большинства критиков Маркса речь идет о социалистически-коммунистической утопии, конце истории и тому подобных ересьях. В самом деле, «развитие человеческих сил, которое является самоцелью», подразумевающее сокращение собственно материального производства до минимума, несмотря на возрастание потребностей людей, — все это звучит диковато для современников всемирных экономических кризисов и ожидания новых мировых войн. Однако, как и всегда, у Маркса не так все просто...

Увеличение свободного времени индивидов, если рассуждать более обобщенно, означает рост свободного времени общества, человечества, рода как такового. Сокращение рабочего времени наемных работников — лишь условие (хотя и необходимое, по мнению Маркса) перехода в «царство свободы». Но поскольку поляризация наемного труда и капитала — «антагонистическое устройство общества», как любит это называть Маркс, — сохраняется, то о прямом и непосредственном продвижении туда, «где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью»¹⁹, говорить пока не приходится. Но нет ли туда путей, так сказать, чем-то закамуфлированных, замаскированных и потому слабозаметных для современников?

Думается, что кое-что уже можно отметить. В общем количестве времени жизни индивидов от работы, от экономически принудительного труда уже удалось «отрезать» два значительных куска времени. Во-первых, это время подготовки к собственно наемному труду, предназначенное для социализации и образования, создавшее к концу XX в. сравнительно новый и заметный, весомый социальный слой — студенчество. Для многих стран мира это уже массовое явление. Этот новый слой обретает собственную социальную, политическую и культурную специфику, нуждающуюся в особом историческом исследовании. Масштабное увеличение времени на образование обладает значительной исторической новизной. Причем как элитарные учреждения университеты известны давно, но теперь эта элитарность во многом практически утрачена. Люди типа

¹⁹ Там же. Т. 23. Ч. II. С. 386.

Р. Коллинза, грустящие по поводу «инфляции образования» в Великобритании, не замечают, что речь идет не о новых неудавшихся Оксфордах и Кембриджах, а о бывших приходских и частных школах, заповедниках мистера Сквирса, воспетых Диккенсом, ибо до середины XX в. университетов для низших и средних слоев в мире почти не было²⁰. Только после Второй мировой войны, в «славное тридцатилетие» начинается бурный рост практически бесплатного (!) высшего образования, не всегда соответствующий былым элитарным критериям качества процесса и результата. Нечто похожее происходило в Европе и в мире в целом. С точки зрения свободного времени как времени для саморазвития или самораскрытия личности (при всей относительности такого подхода ко времени обучения в высшей школе) это был исторический сдвиг. Повторяем, учеба — не наемный труд: студент свободно выбирает специализацию, да еще часто и сам платит за обучение (что, кстати сказать, есть подлость и свинство, типичные для капитализма). Для учебного заведения студент — клиент, его права куда выше прав, зафиксированных в трудовых кодексах. От наемного труда отобрано четыре-шесть лет жизни.

Во-вторых, в мире получил статус общепринятой социальной практики институт пенсионного обеспечения по старости. Распространение пенсионной системы в тех масштабах, в каких мы ее знаем, есть, без сомнения, историческая инновация, отсутствовавшая в XIX в. Маркс писал, что «капитал не спрашивает о продолжительности жизни рабочей силы»²¹. Благодаря многим факторам капиталу и представляющему его государству пришлось об этом подумать. Понятие старости в различных странах мира интерпретируется по-разному, но его смысл подразумевает освобождение людей по достижении определенного возраста от «смягченной каторги» (Ш. Фурье) наемного труда. Например, в России официальный «срок дожития», когда расходы по содержанию старого человека берет на себя государство, равняется 19 годам. Пенсионеры, как и студенты, превратились в довольно влиятельный социальный слой. Доступный им кусочек индивидуальной свободы, или времени без наемного труда, еще весьма невелик, но заметно раздражает «хозяев жизни», особенно во времена экономических кризисов. Трудно упрекнуть этих «хозяев» в том, что пенсионное обеспечение достаточно для потребностей стариков, скорее наоборот. И все же поднявшийся в последние годы в Европе крестовый поход за увеличение возраста выхода на пенсию (что представляет собой очередную попытку решить за счет стариков еще Марксом когда-то проанализированную проблему резервной армии труда) вряд ли приведет к полной отмене пенсионного обеспечения. Нет необходимости становиться марксистом, чтобы понимать, что 20-30-40 лет, в течение которых множество людей находится в системе наемного труда, в сочета-

²⁰ Коллинз Р. Технологический сдвиг и капиталистические кризисы // Прогнозис. 2009. № 2. С. 205–209.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 275.

нии с ростом продолжительности жизни — это не естественная необходимость, не закон природы, а уже ожидающий своего уменьшения социальный минимум экономического рабства.

Несмотря на то, что высшее образование и пенсионное обеспечение существовали в истории давно, в предшествующие эпохи вне сфер действия этих институтов оставалось большинство населения, прежде всего женщины и малоимущие. Поэтому новизна указанных двух элементов жизни общества состоит в омассовлении институтов довольно закрытых и привилегированных. Ближайшие во времени шаги развития этих институтов состоят, видимо, в придании им всеобщего статуса. Кроме того, исторический опыт показывает, что необходимые для государственных нужд виды профессиональной подготовки всегда получали полное государственное обеспечение — например, военное дело. Конечно, если бы интересы общества в целом и индивидуальный интерес могли прийти к большей гармонии, замена платы за образование или нищенских стипендий на полное государственное обеспечение была бы разумным, гуманным и существенным шагом вперед, хотя и без выхода за пределы компетенции социального государства. Одновременно здесь просматривается и закрепление возможностей индивидуальной свободы, поскольку воспитание у бедняков «трудолюбия» при помощи реальных угроз голода, множество рецептов которых собраны в «Капитале» из английской экономической публицистики, вряд ли возможно у выпускников университетов, знающих о гарантиях будущей пенсионной поры.

Имеется ли у работников наемного труда потенциал, чтобы увеличить или хотя бы защитить ту часть индивидуального свободного времени, которым они располагают уже теперь? До замены живого человеческого труда некоей автоматикой («автоматическая фабрика» у Маркса) еще далеко, несмотря на все рассуждения о постиндустриализме, компьютеризации и т. п. Пока же можно указать на движение к преодолению тягот наемного труда и присвоению людьми своего свободного времени в пределах или ограничениях современного господства системы наемного труда и капитала.

В текстах всех вариантов «Капитала», особенно во втором варианте, в его исторической части — «Теориях прибавочной стоимости», достаточное внимание уделено проблематике производительного и непроизводительного труда, теоретической полемике вокруг этого различия, введенного Адамом Смитом. Обсуждая различные позиции в этой полемике, Маркс доказывает неизбежность роста средних классов и работников сферы непроизводительного труда. Для Маркса эти две различные категории людей близки в том отношении, что оплата их труда не относится к издержкам производства, они не увеличивают своим трудом капитал для капиталиста, а помогают ему тратить свой доход. В современной форме средние классы и работники непроизводительного труда очень часто получают свои дивиденды не только из дохода частных лиц и корпораций, а как бы от всего общества, т. е. живут на доход обще-

ства. Во многом это прямое перераспределение промышленной прибыли и части заработной платы тех же наемных работников, осуществляемое государством. Чем производительнее промышленность и сельское хозяйство в целом, тем большая доля вещественного богатства в денежной форме может отойти в пользу средних классов и работников непродовольственного труда.

Адам Смит, автор этой теории, когда-то включал в разряд непродовольственных работников разнообразную публику, начиная с короля Англии и заканчивая цирковыми клоунами, проститутками и преступниками. Но как наиболее общепринятый пример непродовольственного работника был употребляем слуга, оплачиваемый из доходов хозяина. Они вместе, хозяин и слуга (эталонные Берти и Дживс из романов Вудхауза), проживают на один и тот же доход, где хозяин делится со слугой, поскольку труд слуги явно не может приносить хозяину никакой прибыли. Слуга просто помогает хозяину тратить доход, получаемый из каких-то других источников. Если на место условного Дживса поставить бесконечную орду живущих на общественный доход, то современные представления о средних классах как гарантах общественной стабильности окажутся вполне оправданными. То же самое можно сказать и о непродовольственных работниках. Тем не менее стоит присмотреться к этой конгломерации более пристально. Огромное их количество составляют государственные служащие: чиновники, военные, суды, полиция тайная и явная, или, как писали в учебниках истмата, аппарат управления и подавления. Это классические, на все времена, поедатели налогов в виде бюджетных ассигнований. Их услуги обществу Маркс часто квалифицировал как навязанные, результаты деятельности как разрушительные, а не созидательные. Соединение смыслов понятий «средний класс» и «непродовольственный труд» применительно к государственному аппарату, как правило, справедливо, сколько бы нас ни уверяли в недостаточности содержания профессиональных военных или в бедности полиции. Однако и в гражданском обществе многие умело помогают проедать общественный доход. Чаще всего это люди сферы услуг, причем трудно различить при этом услуги необходимые и навязанные, например, в юридической области или в медицине.

Рост числа непродовольственных работников, отчасти совпадающий с ростом средних классов, не связан напрямую с ростом свободного времени общества. И для государственных чиновников и военных, и для представителей сферы услуг наемный труд со всеми его временными характеристиками остается формально основным видом труда. Но это труд особенный. Подтверждается фундаментальная мысль Мальтуса о том, что для экономического развития необходимо, чтобы существовали классы (слои, совокупность социальных групп), обеспечивающие достаточный платежеспособный спрос. Недостаток или отсутствие такого спроса означает перепроизводство и наступление экономического кризиса. Обеспечение такого спроса есть прямая функция средних

классов и непроизводительных работников. Чем значительнее экономический рост, увеличение материального богатства общества, тем выше удельный вес непроизводительного труда. Поскольку непроизводительный труд, оплачиваемый доходом общества, концентрируется в сфере потребления, можно сказать, что усиленное потребление средних классов и работников непроизводительного труда обеспечивает повышение спроса, необходимое для расширения производства. Так «крутится» многое в капиталистической экономике, и уменьшение количества занятых в фундаментальных отраслях производства (промышленность, сельское хозяйство) не ведет к росту свободного времени у общества в целом, а как бы концентрирует это время в сфере непроизводительного труда, раздувает эту сферу максимально возможно. (То обстоятельство, что и в непроизводительном труде общая организация остается обычной для системы наемного труда, вовсе не делает работников этой сферы производительными работниками. Хотя они могут быть таковыми в том смысле, что приносят прибыль своему нанимателю, но в целом их труд оплачивается из общественного дохода. Как военные или полицейские — только последние просто получают жалованье от государства, а работники шоу-бизнеса или рекреационной сферы вместе со своими работодателями заставляют делиться доходом свою клиентуру²².)

Маркс рассматривал тенденцию роста сферы непроизводительного труда, заменяющей собой рост свободного времени для всего общества, в контексте обсуждения теории Смита, анализируя предполагаемую ситуацию, когда рост производительности труда позволяет уменьшить время на непосредственное производство с прежних $\frac{2}{3}$ до $\frac{1}{3}$. Тогда «при равномерном распределении все имели бы больше времени — $\frac{2}{3}$ — для непроизводительного труда и отдыха. Но при капиталистическом производстве все представляется антагонистическим и на самом деле является таковым... Теперь $\frac{2}{3}$ населения состоят частью из владельцев прибыли и ренты, частью из непроизводительных работников (которые вследствие конкуренции тоже плохо оплачиваются), помогающих им проедать доход и дающих или, если речь идет, например, о политических непроизводительных работниках, навязывающих им взамен этого эквивалент в виде услуг. Можно предположить, что, за исключением домашней прислуги, солдат, матросов, полицейских, низших чиновников и т. п., содержанок, конюхов, клоунов и скоморохов, эти непроизводительные работники будут, в общем-то, стоять на более высокой ступени образования, чем прежде, и что увеличится в особенности число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, изобретателей и т. д.»²³ Немного смешно видеть, как Маркс представляет реальный процесс роста богатства общества в его анта-

²² См. подробнее: *Баллаев А. Б.* Проблема «средних классов» в творчестве Маркса // Политико-философский ежегодник. М.: ИФ РАН, 2009. Вып. 2. С. 75–95.

²³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 205–206.

гонистической форме (без общего роста свободного времени), исходя из современных ему социальных реалий. Но тенденцию увеличения количества непроемчивых работников он указывает абсолютно точно, чему подтверждением является весь опыт XX в.

Правда, Маркс не исключает возможность уничтожения социального антагонизма. При условии сохранения достигнутого капиталом уровня развития производительных сил и при отсутствии в обществе «бездельников» все будут иметь в достаточном количестве свободное время, «которое остается свободным для удовольствий, для досуга, в результате чего откроется простор для свободной деятельности и развития»²⁴. Если рабочее время будет измеряться лишь тем уровнем потребностей, который требуется теперь рабочим для их воспроизводства, то материальное «богатство для всех было бы этим низведено до уровня рабочих. Но все имели бы свободное время, время для своего развития»²⁵. Маркс согласен с положением П. Рейвнстона, которое называет прекрасным тезисом: «Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше»²⁶. Согласен с этим тезисом и я.

Послесловие к сказанному. После всех реконструкций

Многие выкладки Маркса, особенно его иллюстративный материал, вполне оправдывают бесконечные указания на устарелость его идей и мнений, будто бы полностью привязанных к условиям XIX в., от коих нынче не осталось и следа. Ткачи, прядильщики, каменщики, портные, пекари, строительство дорог как пример сочетания частных и общественных интересов, железнодорожные концессии, чайные клипперы... Английские дискуссии о длительности рабочего дня для детей, концепция «последнего часа» Сениора... Отчуждение труда, эксплуатация, овеществление, прибавочная стоимость, денежный фетишизм, капитал... Ушедшая реальность, устарелые понятия, полузабытые идеи! Популярный социолог отряхивает марксистский прах со своих ног, утверждая, будто при наличии любви к своей профессии уже неверно говорить о возможности эксплуатировать такого работника, т.е. считает несущественной саму форму наемного труда. Решение простое и brutальное, ведь действительно видов труда, где люди вовсе не должны непременно чувствовать себя только «вьючными животными для высших классов»²⁷, немало. И их количество растет, причудливо сочетаясь с массовым производством, конвейерами, работа на которых выглядит как неумелая замена еще не придуманных роботов.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Т. 26. Ч. III. С. 265.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Что часто меня вообще поражает, так это концепция потребительства, идеологема общества потребления. Казалось бы, один только факт развития автомобильной промышленности и появление в широком обиходе компьютерной техники подтверждают ее лучше, чем все обличения Бодрийера или Маркузе. (Сразу вспоминаются забавные уверения Шумпетера, будто современный пролетарий живет в более комфортных условиях, чем элита времен Людовика XIV, страдавшая до изобретения ванн и сортиров!) Оставив в стороне факт управления мировым спросом на товарных рынках, спросим себя о качестве этого потребления и, шире, о качестве жизни потребляющих. Вообще-то, ничего, кроме сочувствия, «массовое потребление» не должно вызывать. Прежде всего потому, что оно никак не выходит за пределы средней оплаты рабочей силы, в которую входит, как показал Маркс в раннем тексте о заработной плате, «культурный» компонент, отражающий традиционные для данной страны или цивилизации представления относительно средств и образа жизни. Поэтому-то одному и тому же виду труда (а значит, равной оплате рабочей силы) соответствует различный уровень заработной платы у женщин и мужчин, у работников разных стран и цивилизаций. При этом сохраняется единый срок экономически принудительного труда (рабочий день, рабочая неделя), реальная возможность быть уволенным и получить статус безработного, и главное — нет никакого приближения к стандартному для привилегированных классов отсутствию связи между потреблением и трудом. Или, другими словами, общество потребления есть общество бедняков, пролетариев по сути, для которых вещественно-товарные возможности, предоставляемые современным массовым производством, служат заменой той практической индивидуальной свободы, которая сопряжена с обретением свободного времени, времени вне рабочего, времени для индивидуального развития.

Высказывания типа вышеприведенных рискуют встретить, да и встречают возражения, указывающие на реально-фактический характер, или состояние, той публики, за свободное от принудительного труда время которой мы ратуем. Справедливо отмечают, что в действительности люди, занятые такого рода трудом, ни на что другое особенно и не способны, и желать для них свободы от принудительного труда означает плодить массы вырождающихся бездельников, чему немало и примеров. В. М. Межуев возражает Ханне Арендт, которая несколько резковато, в духе ницшеанского псевдоаристократизма разделила людей на призванных к творчеству и тех, кто должен работать на других, — без всяких иллюзий и претензий. Во многом суровость подобных представлений оправданна. С точки зрения истории они справедливы в той же мере, в какой правы были люди XIX в., считавшие излишней грамотность для мужика или образование для женщин. Да, есть люди более способные, а есть менее. Но творчество творчеством, а принудительный труд — сам по себе. Даже некоторые современники Маркса, привыкшие к социальному неравенству, считавшие его чем-то естественным, находили в себе достаточно гуманности

или милосердия, чтобы желать хотя бы сокращения того типа труда, который оправдывает Х.Арендт. В пример Маркс ставит едва ли не самых грубо-реалистически мыслящих экономистов того времени — Т. Мальтуса и Д. Рикардо. В их текстах он находит пожелание того, чтобы на рабство труда, на принудительный труд обрекалась возможно меньшая часть общества. И это, — добавляет Маркс, — «самое большее из того, до чего добираются те, кто стоит на капиталистической точке зрения»²⁸.

Если же покинуть эту точку зрения, то свободное время превращается во время для «свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью»²⁹. Подготовленность масс к такой степени индивидуальной свободы, снимающая опасения, что оные массы погрязнут в потребительстве, есть дело времени, т. е. она приходит постепенно, вместе с открытием тех возможностей, которые ныне остаются закрытыми. Я имею в виду те возможности развития индивидов, которые находятся за пределами «массовой культуры» — точнее, псевдокультуры, ныне столь старательно насаждаемой. Возвращаясь к Марксу, скажем, что человечество так или иначе неизбежно доползет до подлинного царства культуры и даже до реализации пророчеств или прогнозов о «перемене труда», «законе возвышения потребностей» и, страшно сказать, до реальной универсализации личности, появления «тотальных индивидов».

Предугадать сроки и формы реализации подобных предположений вряд ли в человеческих возможностях. Может быть, скоро, а вполне возможно, что и в очень далекой перспективе. Ясно, что в мировой истории должен назреть и реализоваться некий сдвиг, после которого отношение труда (принудительного, необходимого как естественная потребность или социальная обязанность) и досуга (свободное время) должны принципиально поменяться. Также ясно, что, пока целью всякого производства остается получение прибыли — а это означает, например, неустранимость столь выгодных сфер бизнеса, как наркоторговля или торговля оружием, — этот процесс будет идти с гигантскими затруднениями, без особой надежды на поддержку политических структур. Тем паче, что еще Мальтус указывал на такие эффективные и распространенные средства перераспределения дохода общества, как войны, эпидемии и государственные долги. Если все это вычесть, то до достижения господства свободного времени в человеческом общежитии еще далеко. Тем не менее будем надеяться.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 265–266.